

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И НЕЙТРАЛИТЕТ ЛЮКСЕМБУРГА В XIX ВЕКЕ

Небольшое Великое Герцогство Люксембургское в 1867 г. получило статут постоянно нейтрального государства, которым оно и пользовалось вплоть до 1914 г. Однако в исторической литературе мало известен факт, что в выработке и проведении в жизнь нейтрального статута Люксембурга активное участие принимала русская дипломатия. В частности, буржуазные историки обходят молчанием ее роль на Лондонской конференции 1867 г. по вопросу о статуте Люксембурга¹.

Публикуемые ниже документы воскрешают интересную страницу истории русско-люксембургских отношений, одновременно показывая значение дипломатических акций России для нейтралитета этого маленького государства в центре Европы в 60-х годах XIX в.

К 1867 г. в Европе стали ясно обрисовываться контуры нового объединенного германского государства. Пытаясь противопоставить политике Бисмарка политику аннексий, Наполеон III вынашивал план присоединения к Франции Бельгии и Люксембурга. В январе 1867 г. ему удалось вырвать у правительства Люксембурга отказ от присоединения к Северо-германскому союзу. В основе этого отказа, сделанного от имени короля Нидерландов и великого герцога Люксембургского Вильгельма III, лежало следующее. С конца 1866 г. Наполеон III настойчиво предлагал Вильгельму III продать Люксембург Франции. Переговоры, казалось, шли успешно. Однако нидерландский король и великий герцог опасался репрессий со стороны Пруссии. Поэтому он просил Наполеона III заручиться согласием Пруссии на эту сделку. Французский император обратился к Бисмарку. После ряда проволочек последний не согласился с Наполеоном III. В немецкой прессе и рейхстаге был поднят шум по поводу франко-голландских переговоров. Вильгельм III поспешил отказаться от денег Наполеона III. Французский император был взбешен. В воздухе запахло войной. Франция и Пруссия стали искать поддержки, каждая в своих интересах, у правительств других держав.

В этих условиях, стремясь предотвратить франко-пруссский военный конфликт, канцлер А. М. Горчаков решил прибегнуть к конференции великих держав с участием заинтересованных малых государств. Причину посреднических усилий России следует искать в стремлении в тот период сохранить европейское равновесие, не допустив усиления ни Франции, ни Пруссии. Правда, симпатии Горчакова с 1863 г. были больше на стороне Пруссии, чем Франции — главного стража Парижского договора 1856 г. о его тяжелых для России условиях нейтрализации Черного моря, а «трещина в лагере крымской коалиции давала царскому правительству надежду на возможность подготовить отмену условий Парижского мира 1856 г.»² Но в 1867 г. международная обста-

¹ См. Лависс и Рамбо. История XIX в., т. 7, М., 1939, стр. 255—257; А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. М., 1947, стр. 326; А. Дж. Тейлор. Борьба за господство в Европе 1848—1918. М., 1958, стр. 207—211.

В советской историографии по данному вопросу см. Л. М. Шнейерсон. Отклики во Франции на результаты германской войны 1866 г. — «Новая и новейшая история», 1968, № 6.

² См. Л. И. Нарочницкая. Россия и война Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960, стр. 23—24.

новка еще не позволяла этого сделать. Открытая поддержка одной из соперничающих сторон (Франции или Пруссии) грозила нарушить и без того шаткое европейское равновесие. Поэтому до окончательного выяснения обстановки Горчаков предпочел выступить посредником во франко-прусском конфликте из-за Люксембурга, надеясь убедить Англию, Францию, Пруссию и Австро-Венгрию в возможности дипломатического решения спорных европейских вопросов путем конференций круглого стола.

Основная группа документов (№№ 1—6) посвящена демаршам русского посла в Лондоне Ф. И. Бруннова по вопросам подготовки и проведения Лондонской конференции 5—11 мая 1867 г. Инициативу созыва конференции по люксембургскому вопросу Горчаков взял на себя, 15 (27) апреля 1867 г. он направил Бруннову телеграмму с предложением выяснить у премьер-министра Англии лорда Дерби, «в какой форме и кем могло бы быть сделано предложение о созыве конференции» (док. № 1). Обращение к Англии не было случайным. С 1865 г. англичане стремились быть в стороне от франко-прусской борьбы на Европейском континенте, считая усиление Пруссии выгодным для себя противовесом Франции. Русская дипломатия, наоборот, под любым предлогом стремилась вовлечь Англию в европейские дела. Горчаков выбрал удобный момент: английские консерваторы беспокоились в связи с аннексионистскими планами Франции в отношении Люксембурга и Бельгии.

Бруннов обратился к премьер-министру Дерби и не только просил его выступить инициатором созыва этой конференции, но одновременно представил выработанный им проект договора о статуте Люксембурга. Он включил в проект ст. II, обеспечивающую Люксембургу «гарантию высоких договаривающихся сторон» (док. № 2). Проект Бруннова получил полное одобрение Горчакова (док. № 4). Дерби, а за ним и его сын, министр иностранных дел лорд Стэнли, соглашаясь на созыв такой конференции, в то же время категорически возражали против гарантий. Понимая, что без этого нейтралитет Люксембурга явится пустой декларацией, Бруннов начал борьбу за принятие этого пункта другими представителями. Ему удалось склонить на свою сторону основных соперников — Францию и Пруссию.

Однако добиться согласия Англии на коллективную гарантию было не так просто. Стэнли попытался привлечь на свою сторону Францию, обойдя вопрос о коллективной гарантии и выдвинув на первый план обязательство Пруссии вывести свой гарнизон из Люксембурга. Именно в этом духе был выдержан первый вариант английского проекта договора о нейтральном статуте Люксембурга от 3 мая 1867 г.³ Бруннову удалось убедить представителей Пруссии, Австрии и Франции в неприемлемости этого проекта. Стэнли пришлось взять его обратно. Бруннов вручил ему свой проект, прося максимально приблизить английский вариант к русскому (док. № 5). Согласившись на словах с предложениями Бруннова, Стэнли тем не менее и во втором варианте от 6 мая 1867 г. вновь опустил обязательство о коллективной гарантии⁴. Представитель Пруссии граф Бернсдорф усмотрел в этом стремление Англии поддержать Францию и пригрозил отказаться от участия в конференции. Однако Бруннов поспешил охладить пыл своего партнера. Ему удалось убедить Бернсдорфа не действовать сепаратно, а объединить усилия и вместе с другими участниками принять русский вариант (док. № 5).

Несмотря на явную оппозицию к английскому проекту, Стэнли все же попытался предложить его конференции. Первое заседание Лондонской конференции, состоявшееся 7 мая, целиком было посвящено дискуссии по вопросу о коллективной гарантии. Защищая тезис об отсутствии необходимости обеспечения нейтралитета Люксембурга коллективной гарантией, Стэнли пытался сослаться на договор 1839 г., который якобы ее гарантировал. Однако русский и прусский представители заметили, что договор 1839 г. обеспечивает гарантию территории Люксембурга, а отнюдь не его нейтралитета. С ними согласились представители Австрии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга⁵.

Видя, что Бруннову удалось сколотить единый фронт, Стэнли после консультации с правительством на втором заседании 9 мая вынужден был принять русский проект

³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 98, ч. 1, л. 109—110.

⁴ Там же, л. 101.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 96, ч. 1, л. 5—9, Протокол № 1 от 7 мая 1867 г. Лондонской конференции.

нейтрального статута Люксембурга, включая и вопрос о коллективной гарантии. 11 мая 1867 г. договор, в основу которого лег проект Бруннова, был подписан (док. № 6). Лондонский договор окончательно закреплял отделение Люксембурга от Нидерландов и давал ему полную государственную самостоятельность, включая право дипломатического представительства⁶. Он обеспечил Люксембургу нейтральный статут под коллективной гарантией России, Англии, Франции, Пруссии, Австро-Венгрии и Италии, что спасло герцогство как от агрессивных устремлений Франции, так и аннексионистских планов Пруссии, а также задержал на три года начало франко-прусской войны.

В документе № 7 характеризуется отношение правительства Голландии, которое было связано личной унией с Великим Герцогством Люксембургским, к посредническим услугам России как в вопросе об определении нейтрального статута Люксембурга, так и по вопросу о защите интересов подданных Люксембурга, заботу о которых до создания самостоятельных дипломатических представительств Люксембурга за границей Россия взяла на себя.

В. Г. Сироткин

№ 1

Посол России в Лондоне Ф. И. Бруннов канцлеру А. М. Горчакову

№ 92

1 приложение

Лондон, 17(29) апреля 1867 г.

Совершенно секретно

Князь,

Телеграмма, которую в. пр-во имело честь направить мне в субботу 15(27) апреля предписывала мне навести справки относительно того, «в какой форме и кем могло бы быть сделано предложение о созыве конференции».

Получив это распоряжение в субботу вечером, я поспешил отправиться к лорду Стэнли в воскресенье утром.

В. пр-ву известно, что этот день в Англии не посвящен делам. Я не нашел министра иностранных дел ни дома, ни в Форин оффисе. Желая тем не менее выполнить без малейшей задержки распоряжение в. пр-ва, я воспользовался давностью моих дружеских отношений с лордом Дерби и отправился к нему на дачу в Роchempton.

Он сердечно принял меня и пошел навстречу моему желанию — дать в. пр-ву *немедленный* ответ по телеграфу.

Премьер-министр только что получил от королевы распоряжения по тем вопросам, которые я должен был ему задать.

По мнению лорда Дерби, было бы удобным оставить за королем Нидерландов, как имеющим титул великого герцога Люксембургского, инициативу созыва конференции, поскольку цель ее — изучение вопроса о территории, суверенном которой он является.

В то же время премьер-министр считает необходимым предоставить другим кабинетам право выбора места для проведения конференции. Если они договорятся избрать Лондон местом проведения заседаний, то правительство е. британского в-ва было бы готово присоединиться к этому предложению. Лорд Стэнли передаст эту информацию сэру Бьюкенену.

Со своей стороны премьер-министр разрешил мне сообщить о его ответе, который он мне только что дал как глава правительства, непосредственно в. пр-ву.

Затем мы обменялись мнениями о цели намеченной конференции.

В этой связи я изложил те замечания, которые представляю на рассмотрение императорского кабинета.

⁶ Правда, Вильгельм III оставался формальной главой герцогства на основе личной унии до 1890 г.

Для того чтобы переговоры были успешными, необходимо по возможности сделать их непродолжительными и несложными. Нужно собраться не для дискуссий, а для того чтобы подписать договор. Поэтому следует отбросить все вопросы, по которым мнения могут разойтись, и ограничиться теми, по которым легко договориться.

В порядке предложения я в устной форме изложил набросок договора, который соответствовал бы, как я думаю, желаемым в настоящих обстоятельствах условиям.

Я сказал премьер-министру, что намереваюсь сообщить об этих замечаниях лорду Стэнли. Поскольку ему по обыкновению предложат председательствовать на будущих переговорах, то именно на нем лежит инициатива делать предложения. Я полагал бы, что облегчу эту задачу, давая ему возможность самому определить границы решений, которые должны быть приняты на конференции.

Я оставляю за ним заботу об изменении, ограничении или расширении этих границ, если правительство е. британского в-ва сочтет это полезным.

Каждый из полномочных представителей будет в таком случае иметь полную свободу представить на рассмотрение своего двора проект соглашения, план которого будет предложен министром иностранных дел Англии.

Я напомнил лорду Дерби, что именно таким был ход работы, который обычно принимался во время предшествующих конференций и в которых я принимал участие.

Если лорд Стэнли сочтет своевременным принять эти предварительные предложения, он намного увеличит, и я в этом совершенно не сомневаюсь, все возможные шансы на успех. Премьер-министр, разделяя это впечатление, попросил меня передать его сыну в письменном виде проект договора, о котором я ему говорил. Между нами было условлено, что это сообщение будет рассматриваться с той и с другой стороны как частное и совершенно *секретное* и не имеющее никакого официального характера.

Именно с этой оговоркой я предполагаю передать лорду Стэнли прилагаемый здесь проект соглашения о Люксембурге. [См. док. № 2].

Пользуясь отправкой сегодняшней почты, для того чтобы запросить указаний императорского кабинета по данному вопросу и быть в состоянии внести поправки в этот проект в соответствии с инструкциями, которые в. пр-во любезно направит мне по распоряжению императора.

Чтобы выиграть время и сократить по мере возможности проволочки, я позволю себе заранее ходатайствовать о решениях императорского кабинета по двум вопросам, которые сам лорд Дерби считает вопросами, достойными изучения:

1. Надлежит ли обуславливать нейтралитет Великого Герцогства Люксембургского коллективной гарантией?

2. Нужно ли настаивать на условии о превращении Люксембурга в открытый город путем срытия военных укреплений, по крайней мере, частично?

Что касается гарантии, то лорд Дерби предпочел бы обойтись без нее. Однако, если европейские кабинеты будут настаивать на гарантии, он, как я полагаю, согласится с ней, несмотря на то что он рассматривает подобную гарантию как чисто номинальную. Так как Англия является морской державой, говорит он, она физически не может взять защиту безопасности страны, не имеющей выхода к морю.

В том, что касается срытия укреплений, лорд Дерби не высказался определенно ни за, ни против. По его мнению, этот вопрос явится предметом консультаций.

Я оставляю за собой право дополнить данное донесение со следующим английским курьером после конфиденциальной беседы с лордом Стэнли, во время которой я поставлю его в известность относительно только что состоявшегося обмена мнений с премьер-министром.

Имею честь...

Бруннов

**Проект договора о нейтральном статуте Люксембурга,
предложенный Ф. И. Брунновым¹**

к № 92

17(29) апреля 1867 г.

Статья I

Великое Герцогство Люксембургское в границах, определенных договором 19 апреля 1839 г. в Лондоне, будет пользоваться полной независимостью под суверенитетом е. в-ва короля Нидерландов, великого герцога Люксембурга, нисходящих их потомков и наследников в соответствии с конституцией этого государства,

Статья II

Территория указанного герцогства объявляется постоянно нейтральной под гарантией высоких договаривающихся сторон.

Правительство Великого Герцогства будет обязано соблюдать такой же нейтралитет относительно всех других государств.

Статья III

Вследствие объявления, согласно постановлению предыдущей статьи, Великого Герцогства Люксембургского нейтральным государством, сохранение и сооружение на его территории укреплений делается более ненужным и бесцельным.

Статья IV

Согласно постановлениям, изложенным в статьях II и III, с общего согласия определяется, что город Люксембург, рассматриваемый ранее как федеральная крепость, отныне перестает быть таковой и будет являться исключительно местом пребывания гражданской администрации страны.

Статья V

Вследствие этого, е. в-во король Пруссии объявляет, что его войска, составляющие гарнизон упомянутой крепости, получают приказ покинуть ее в срок [], который е. в-во сочтет достаточным для вывоза из крепости всего военного снаряжения.

Этот срок исчисляется со дня размена ратификациями настоящего договора.

Статья VI

Е. в-во король Нидерландов и великий герцог обязуется со своей стороны предпринять необходимые меры, чтобы превратить крепость Люксембург в открытый город посредством сноса укреплений, какой будет признан е. в-вом достаточным для исполнения намерений высоких договаривающихся сторон.

С этой целью необходимые работы начнутся сразу же после вывода гарнизона,

Статья VII

Настоящий договор будет ратифицирован, и ратификации будут разменены в Лондоне в течение [] недель или ранее, если это будет возможно.

Помета Александра II: «Как мне кажется, это очень хорошо».

АВПР, ф. Канцелярия, д. 96, ч. 1, л. 53—56. Подлинник на французском языке. См. также Ф. М а р т е н с. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XII, трактаты с Англией, 1832—1895, СПб, 1898, стр. 373—376.

Канцлер А. М. Горчаков послу России в Лондоне Ф. И. Бруннову

№ 124

18(30) апреля 1867 г.

Открытый текст

Поскольку король Нидерландов взял на себя инициативу созыва конференции, сообщите Стэнли, что вы официально уполномочены без промедления принять в ней участие.

Шифром

Основные условия: эвакуация крепости, разрушение ее, если конференция этого желает. Пруссия, вероятно, потребует этого. Вы ее поддержите. Нейтрализация Великого Герцогства Люксембургского по образцу Бельгии под европейской гарантией. Люксембург сохранит династические узы с Оранским домом.

Помета Александра II: «Быть по сему».

АВПР, ф, Канцелярия, д. 98, ч. 1, л. 3—4. Отпуск на французском языке.

Канцлер А. М. Горчаков послу России в Лондоне Ф. И. Бруннову

№ 134

22 апреля (3 мая) 1867 г.

Открытый текст

Вчера вечером получил депешу от 17-го. [См. док. № 1]. Сегодня утром переслал ее е. в-ву в Москву. В случае необходимости немедленно получите полномочия в должной форме.

Шифром

Ваш проект договора отвечает обстановке. [См. док. № 2]. Коллективная гарантия договаривающихся сторон необходима. Пруссия выступает за разрушение. Поддержите ее полномочного представителя.

АВПР, ф, Канцелярия, д. 98, ч. 1, л. 45. Отпуск на французском языке.

Посол России в Лондоне Ф. И. Бруннов канцлеру А. М. Горчакову

№ 101

Лондон, 25 апреля (7 мая) 1867 г.

Князь,

После отъезда моего последнего курьера переговоры, начатые между правительствами с целью мирного решения люксембургского вопроса, день ото дня идут все успешней, и я уверен в их скором благополучном окончании.

В день отправки моей корреспонденции императорский кабинет по собственной инициативе принял твердое решение приблизить по мере возможности час открытия

конференции. С этой целью в. с-во побудило посла Нидерландов в С.-Петербурге направить телеграмму е. в-ву королю и попросить его, как имеющего титул великого герцога Люксембургского, взять на себя инициативу по созыву конференции представителей дворов, подписавших договор, заключенный в Лондоне 19 апреля 1839 г.²

Гаагский двор, оценив значение этого совета, поспешил его принять.

На другой день, во вторник 18(30) апреля, принц Генрих Нидерландский, действуя от имени короля, обратился к английскому правительству с просьбой созвать в Лондоне представителей держав, подписавших договор 1839 г., с целью договориться о пересмотре этого акта в части, касающейся вопроса о Великом Герцогстве.

В тот же день правительство е. британского в-ва заявило, что оно готово ответить на призыв е. в-ва короля и великого герцога.

После этого лорд Стэнли предложил открыть конференцию в Лондоне 7 мая. В тот же день 18(30) апреля в. с-во предписало мне объявить лорду Стэнли, что я официально уполномочен принять участие в работе конференции.

Этой же телеграммой вы имели честь, князь, определить условия, которые император предписал мне принять за основу заключаемого договора. [См. док. № 3].

В четверг 20 апреля (2 мая) лорд Стэнли предложил правительствам С.-Петербурга, Гааги, Берлина, Вены и Парижа, принимая во внимание участие бельгийского правительства в переговорах 1839 г., допустить к участию в конференции полномочного представителя Бельгии. Одновременно министр иностранных дел выразил пожелание, чтобы Италия также была представлена на конференции. Он передал по телеграфу английскому послу в С.-Петербурге распоряжение запросить предварительное согласие е. и. в-ва на участие Бельгии и Италии. Предупрежденный об этом, я поспешил запросить решение нашего августейшего повелителя по этому вопросу. Я получил его в пятницу 21 апреля (5 мая).

В. с-во оказало мне честь, сообщив, что со своей стороны императорский кабинет не возражал бы против участия представителей Бельгии и Италии, если это будет одобрено другими дворами и не повлечет за собой потерю времени.

Прибыв в Форин оффис, для того чтобы известить лорда Стэнли о предполагаемых распоряжениях императорского кабинета, я узнал, что министр иностранных дел только что передал по телеграфу сэру Бьюкенену основное содержание проекта договора, а почтой — проект этого договора.

При первом чтении проекта я увидел, насколько он оставляет желать лучшего. Я известил об этом императорский кабинет, добавив, что директивы, которыми я располагаю, достаточны для внесения поправок в английский проект в соответствии с распоряжениями императора.]

Я выполнил эту задачу на другой день, в субботу 22 апреля (4 мая), когда лорд Стэнли конфиденциально вручил мне экземпляр прилагаемого здесь английского проекта договора³.

Я указал министру иностранных дел на серьезные недостатки, которые, по моему мнению, имеет английский вариант проекта:

1. В нем прежде всего не говорится об установлении принципа нейтралитета Великого Герцогства Люксембургского, принципа, который составляет основу намечаемого соглашения.

2. Он обходит молчанием коллективную гарантию, которой державы, участвующие в конференции, хотят обусловить принцип нейтралитета Великого Герцогства по образцу постановлений, принятых в пользу Бельгии в соответствии с договором 1839 г.

3. Он рискует обидеть берлинский двор, выдвигая на первый план обязательство о выводе прусского гарнизона в то время, как эвакуация люксембургской крепости должна, по крайней мере, быть представлена как логическое следствие принятия принципа нейтралитета.

Наконец, в том, что касается стиля, английский проект, как мне кажется, не принимает во внимание все те предосторожности, которые следовало бы соблюдать по отношению к е. в-ву королю Нидерландов в части, касающейся свободного отправления им его суверенных прав.

Лорд Стэнли принял к сведению мои замечания, заявив, что он не возражает против изменения своего проекта для приведения его в соответствие с пожеланиями, которые ему будут высказаны со стороны других договаривающихся сторон.

Однако он не оставил меня в неведении относительно осторожности, которую я должен соблюдать в вопросе, касающемся специальной оговорки о *гарантии*; в противном случае он встретит противодействие со стороны парламента, который выступает против любого обязательства подобного рода.

Поскольку я был первым, кому лорд Стэнли сообщил о своем проекте договора, я не колебался ему сказать, что он вне всякого сомнения встретит со стороны моих коллег те же самые замечания, о которых я ему с полной откровенностью говорил.

Это предположение не замедлило осуществиться. Послы Пруссии, Франции и Австрии согласились со мной относительно того, что министру иностранных дел Англии следует дать почувствовать важность внесения в его проект изменений, настоятельная необходимость которых признается нашими дворами.

Телеграммы из С.-Петербурга, Берлина, Парижа и Вены, полученные в субботу 22 апреля (4 мая), показали, что все правительства единодушны в неблагоприятной оценке английского проекта.

Уступая этому единодущию, лорд Стэнли сам признал необходимость изменения своей первой редакции, с тем чтобы сделать ее приемлемой.

Я постарался облегчить ему эту задачу в меру своих возможностей.

С этой целью я обратился к нему с прилагаемым здесь письмом ⁴, чтобы передать ему проект договора [см. док. № 2], который в. с-во имело любезность одобрить своей телеграммой от 22 апреля (4 мая), сказав мне, что он «отвечает обстановке». [См. док. № 4].

Послы Австрии, Франции и Пруссии поддержали это мнение. Все трое заявили лорду Стэнли, что они согласны с положениями проекта, которые я им конфиденциально сообщил.

Со своей стороны лорд Стэнли заявил, что он намерен согласиться с моим проектом, за исключением ст. II, в силу которой принцип нейтралитета Люксембурга был бы обеспечен коллективной гарантией держав, подписавших договор.

Министр иностранных дел заявил мне, что он не может взять на себя ответственность, которая налагала бы на правительство е. британского в-ва обязательство возможного вмешательства Англии в тот или иной спор, касающийся Люксембурга.

У меня были причины поверить на миг, что лорд Стэнли кончит тем, что согласится с редакцией, которая смягчит идею активного вмешательства. С этой целью я предложил ему выражение: «моральная санкция коллективной гарантии».

Мне показалось, что он благоприятно отнесся к этому выражению.

Тем не менее после нашей беседы, в понедельник 24 апреля (6 мая), у меня сложилось впечатление, что он переменял свое мнение. И на самом деле, в тот же день в девять часов вечера я получил от него частное, прилагаемое здесь письмо ⁵, с которым он передал мне напечатанный проект договора, где отсутствовало включенное в ст. II нашего проекта упоминание о коллективной гарантии.

Представленная в этом виде редакция данной статьи показалась мне неприемлемой для берлинского двора.

Я убедился в этом во время беседы, которую я только что имел с моим прусским коллегой. Он заявил мне, что не примет участия в конференции, по крайней мере до тех пор, пока министр иностранных дел Англии не согласится изменить свои намерения по вопросу о гарантии.

Я рекомендовал графу Бернсдорфу не вызывать по собственной инициативе срыва конференции, чтобы не подвергать свой двор неблагоприятным толкам, которые возникли бы в результате его отсутствия.

Дабы ничего не предпринимать впредь и предоставить английскому кабинету время прийти к лучшему решению, я убедил моего прусского коллегу не отказываться безапелляционно от участия в конференции, а попросить лорда Стэнли рассматривать наше заседание в этот день как чисто предварительное и неофициальное совещание.

Обмен мнениями, который произошел бы таким образом между полномочными представителями, дал бы им возможность судить, насколько можно надеяться на получение практических результатов от этого совещания.

Вслед за этим первым заседанием каждый из полномочных представителей смог бы дать отчет о своих впечатлениях и запросил бы соответствующих инструкций.

Мой прусский коллега, разделяя мою точку зрения по этому вопросу, отправился в Форин оффис, чтобы предупредить об этом лорда Стэнли до начала нашего заседания.

Имею честь...

Бруннов

АВПР, ф. Канцелярия, д. 96, ч. 1, л. 91—100. Подлинник на французском языке.

№ 6

Посол России в Лондоне Ф. И. Бруннов канцлеру А. М. Горчакову

№ 113

Лондон, 3(15) мая 1867 г.

Секретно

Князь,

У меня не было возможности отправить с почтой от 1 (13) мая протоколы наших заседаний. Они так быстро следовали один за другим, что канцелярия министерства иностранных дел Англии была не в состоянии своевременно напечатать эти документы. Эта работа была закончена лишь вчера.

Сегодня я пользуюсь отъездом английского курьера, чтобы передать вашей светлости протоколы за №№ 1—5^е и текст договора от 29 апреля (11 мая) — все в двух экземплярах.

В моих предшествующих донесениях говорилось о ходе наших заседаний. Мне остается только внести два дополнения, о которых я еще не упоминал:

1. На заседании 10 мая полномочный представитель Нидерландов выразил желание включить в протокол следующее заявление:

«Что обязательства, которые король, будучи великим герцогом, принял в отношении Люксембурга, касаются исключительно правительства Великого Герцогства и что нидерландское правительство является и желает оставаться полностью непричастным к этим обязательствам».

Я объясню Вам вкратце, какой смысл е. в-во король Нидерландов вкладывает в эти слова.

Он не желает, чтобы нидерландское правительство было замешано в какой-либо конфликт, могущий возникнуть в результате нарушения статута Великого Герцогства как постоянно нейтрального государства. В случае осложнения Нидерланды в собственном смысле держались бы в стороне. Кроме этого, если разрушение люксембургской крепости потребовало бы каких-либо расходов, нидерландское правительство не приняло бы в этом никакого участия.

Полномочный представитель Нидерландов уклонился от изложения этих взглядов на конференции. Но конфиденциально он не преминул сообщить мне об истинном смысле намерений гаагского кабинета по этому вопросу.

Я полагал, что сообразовываюсь с волей императора, воздержавшись вызывать ненужную и совершенно бесполезную дискуссию по этому поводу.

Мы ограничились тем, что включили это заявление в протокол № 3 от 10 мая. Я отметил это место красными чернилами.

2. На заседании 11 мая полномочный представитель Бельгии по распоряжению своего правительства счел своим долгом сделать оговорку в отношении условия, содержащегося в ст. III договора.

В этой статье говорится, что, поскольку Великое Герцогство является нейтральным, нет никакой необходимости в сохранении крепостей на его территории.

Г-н Ван дер Вейер заметил, что в Бельгии имеется влиятельная партия, которая считает сохранение крепостей и вообще наличие армии слишком обременительным для страны, находящейся под покровительством принципа нейтралитета в силу статей договора от 1839 г.

Эта партия попытается воспользоваться положениями ст. III настоящего договора, чтобы настоять на сокращении расходов, необходимых для обороны страны.

Чтобы лишить парламентскую оппозицию этой возможности, бельгийский посол предложил нам подписать следующее заявление: «С тем, однако, что ст. III не посягает на права других нейтральных держав сохранять и в случае необходимости улучшать свои крепости и другие средства обороны».

Принимая во внимание важность, которую е. в-во король Бельгии придает этому заявлению, мы без колебаний согласились с ним.

Но вслед за этим г-н Ван дер Вейер предложил, чтобы на основе данного заявления в текст договора была включена специальная оговорка в качестве дополнительной статьи. Мы были не в состоянии привести в исполнение это предложение. Все статьи уже были парафированы.

Посол Бельгии был удовлетворен простой декларацией, подписанной полномочными представителями, присутствующими на конференции. Я считаю своим долгом представить этот документ в. с-ву. Им завершается серия документов Лондонской конференции, которая в настоящее время закончила свою работу.

До обмена ратификационными грамотами данные документы предназначены только для сведения правительств, подписавших договор от 29 апреля (11 мая).

Имею честь...

Бруннов

АВПР, ф. Канцелярия, д. 96, ч. 1, л. 151—154. Подлинник на французском языке.

№ 7

Министр иностранных дел Нидерландов Цюлен Ван Нивельт посланнику Нидерландов в Лондоне Бентинку

14 мая 1967 г.

Господин барон,

Король поручил мне передать послу России в Лондоне глубокое удовлетворение, которое е. в-во испытывает в связи с искренней и недвусмысленной поддержкой, оказанной Вам со стороны е. пр-ва г-на посла во время последних переговоров.

Король высоко ценит благие намерения русского императора, свидетельством которых является эта помощь, и мне нет нужды уверять Вас в том, что его [короля] правительство полностью разделяет эту точку зрения.

Прошу Вас быть посредником в выражении этих чувств г-ну барону Бруннову и передать ему послание короля, нашего августейшего повелителя.

Пользуюсь случаем...

АВПР, ф. Канцелярия, д. 96, ч. 1, л. 176. Копия на французском языке.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Проект соглашения о статуте Великого Герцогства Люксембургского, предложенный Ф. И. Брунновым, целиком лег в основу Лондонского договора от 11 мая 1867 г. о нейтральном статуте Люксембурга (см. Ф. М а р т е н с. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XII, трактаты с Англией, 1832—1895. СПб, 1898, стр. 370—376). На конференции изменению подвергались: ст. III, дополненная еще двумя абзацами (Ф. М а р т е н с, Указ. соч., стр. 374), и ст. V, дополненная абзацем: «Е. В. Король Великий Герцог, кроме того, обещает, что укрепления города Люксембурга впредь не будут восстанавливаемы, и в оном не будет ни сохранено, ни вновь сооружено никакого военного учреждения» (Ф. М а р т е н с. Указ. соч., стр. 375). Кроме того, в проект Ф. И. Бруннова была введена ст. VI, ликвидировавшая связь Люксембурга с Германским союзом.

2. Договор 19 апреля 1839 г. (см. Ф. Мартенс. Указ. соч., стр. 84—104) явился результатом конференции полномочных представителей Австрии, Франции, Англии, Пруссии, России, Бельгии и Нидерландов в Лондоне. Он закрепил окончательное отделение Бельгии от Голландии и тем самым положил конец голландско-бельгийскому конфликту, тянувшемуся с 1831 г. Кроме того, ст. VII договора 1839 г. определила статут Бельгии как «постоянно нейтрального» государства. 24 статьи «Приложения» к этому договору определяли новые границы Бельгии, которые сохранились и поныне.

3. Прилагаемый к документу первый вариант английского проекта был датирован 3 мая 1867 г. Проект состоял из 6 частей. Основное внимание было уделено обязательствам Пруссии вывести свои войска из Великого Герцогства Люксембургского (ст. I и IV). Столица последнего по ст. II объявлялась открытым городом (АВПР, ф. Канцелярия, д. 98, ч. 1, л. 109—110). «The Blue Book Policy of Derby and Staneley», vol. LXXIV. State Papers. America—Russia: Correspondence Respecting the Grand Duchy of Luxemburg. [London, 1867].

4. Упомянутый проект (см. док. № 2 и прим. 1) был приложен к письму Ф. И. Бруннова от 23 апреля (5) мая 1867 г., адресованному лорду Стэнли. Бруннов извещал последнего, что английский проект договора от 3 мая следует приблизить к русскому варианту, поскольку последний получил одобрение представителей Франции, Австрии и Пруссии (АВПР, ф. Канцелярия, д. 98, ч. 1, л. 104—105).

5. Письмо Стэнли от 6 мая 1867 г. сопровождало второй вариант английского проекта договора от того же числа. Стэнли выражал надежду, что его второй вариант ляжет в основу проекта договора, который должна выработать конференция (АВПР, ф. Канцелярия, д. 98, ч. 1, л. 101). Второй вариант английского проекта см. «The Blue Book Policy of Derby and Staneley», vol. LXXIV. State Papers, America—Russia: Correspondence Respecting the Grand Duchy of Luxemburg.

6. Указанные протоколы представляют собой сброшюрованные типографские экземпляры на французском языке всех пяти (7, 9, 10, 11 и 13 мая) заседаний Лондонской конференции. Договор был подписан 11 мая 1867 г. Заседание 13 мая носило процедурный характер и целиком было посвящено вопросу о сроках обмена ратификационными грамотами. Протоколы 7—13 мая 1867 г. см. «The Blue Book Policy of Derby and Staneley», vol. LXXIV. State Papers, America—Russia: Protocols of Conference Helds in London, Respecting the Grand Duchy of Luxemburg.